

Герберт Иванович в наши края попал не в лучшие годы ни для себя, ни для истории страны. В 1941-м. Тогда практически все население немецкой республики в Поволжье, основанной потомками немецких переселенцев екатерининской поры, вывезли на поездах за Урал.

Двадцатый век бьет все рекорды по насильственному переселению народов. Американцы интернировали собственных граждан японской национальности, едва отгремели бомбежки в Перл-Харборе, французы, чтоб нейтрализовать повстанческие лагеря, заставили спуститься в долины два миллиона горных алжирцев. В СССР, через полтора месяца после нападения Германии, вывезли всех немцев с европейской части страны в районы Приуралья и Сибири. Среди переселенцев поневоле ехал со своей семьей и 37-летний Герберт Гензе.

ошиблись с привязкой к местности. На робкие возмущения трудармейцев коротко и внятно ответил энкаведэшник, возглавлявший охрану.

– Не думайте, что вас сюда привезли ради подвигов в честь Родины. Вас сюда доставили, чтоб собственными костями удобрили ее землю.

Трудармейцев отправили на новое место – долбить новый котлован. Котлован углублялся, а народ умирал от голода. Стройке грозило остаться без рабочих рук. Чья-то умная голова догадалась кормить трудармейцев ими же самими выращенными овощами и хлебом. Для сельхозработ отобрали самых истощенных доходяг, с них на долбежке гранита все равно никакого толка нет. Под конвоем привели на железнодорожную станцию и отправили в Омскую область. Поля немцам отвели в Называевском районе. Руководил доходягами Герберт Гензе, имевший

ЧЕЛОВЕК, УКРАСИВШИЙ ГОРОД

Голубые ели, аллейки из пирамидальных тополей – все самое красивое и заметное среди зелени на улицах Омска, все то, что выгодно отличает наш город от остальных, заслуга всего одного человека – Герберта Ивановича Гензе. Нет, он на собственных плечах саженцы по скверам не разносил и ямки под них не копал. Он – человек, который сумел акклиматизировать голубые ели и пирамидальные тополя, приспособив их для сурового сибирского климата.

Он не так переживал о вынужденном отъезде из родных мест, как об упущенной возможности получить диплом о высшем образовании. К лету сорок первого он закончил обучение на финансово-экономическом факультете одного из московских вузов. Пять лет проучился, а диплом получить не успел. Грустя о дипломе, Герберт даже отдаленно не догадывался к каким страданиям и к какой славе везет его переполненный сталинский вагон.

Состав разгрузили на какой-то станции с гористым ландшафтом. Интернированные немцы, ставшие бойцам трудармии, получили приказ выдолбить в гранитной породе котлован для электростанции. Выдолбили. Затем засыпали, заодно похоронив погибших на непосильных работах земляков. Топографы

за плечами отделение сельскохозяйственного техникума.

Картошку весной садили глазками. Во-первых, ее вообще на семена не хватало, а во-вторых, съедали: чувство голода было сильнее страха перед смертью за перерасход посадочного материал. Эти работы стали спасением для большинства привезенных.

Первый раз доходяг от массовой голодной смерти Гензе уберег зимой, настояв на переборке картофеля. Подмороженные клубни пускал на прокорм землякам. Рисковал. Чуть-чуть ошибись в общении с охраной, чуть-чуть перегни палку в диалоге с руководством – тюрьма и расстрел. За саботаж. По законам военного времени.

Гензе помогала выживать, а позже, когда закончилась война, жить с

интересом, замечательная жилка в характере – здоровый авантюризм. Умел он пройти, не сбившись с курса, по тонкой ниточке, отделяющей взвешенный риск от бравады. Вот пример, который раскрывает его натуру лучше всего. В августе сорок первого, перед отправкой в долгий путь, он сумел так спрятать старинную семейную скрипку, что она в целости и сохранности прождала его двадцать с лишним лет. В укромном местечке пролежала до тех пор, пока российским немцам не дали права свободного перемещения по всей территории Советского Союза. Гензе съездил на свою бывшую малую родину и привез в Омск родовую реликвию.

Природа наделила Герберта Ива-

за нарушение покоя и тишины.

Увлеченностью он пошел в отца, по одним данным, ростовского служащего, по другим – успешного валяльщика обуви. Но кем бы ни был отец по профессии, главным в его жизни являлось садоводство. Прикупая соседские участки, площадь сада довел до двух гектаров. И юный Герберт приобщился к садоводству. Вместе с отцом ездил за саженцами к Мичурину и запомнил встречу с ним на всю жизнь. Он имел великолепную память, благодаря которой все новое схватывал на лету и легко учился. Герберт Иванович любил вспоминать, как обучался в гимназии, где каждый учебный день начинался с пения учениками, преимущественно немцами по про-

исхождению, национального гимна России «Боже, царя храни».

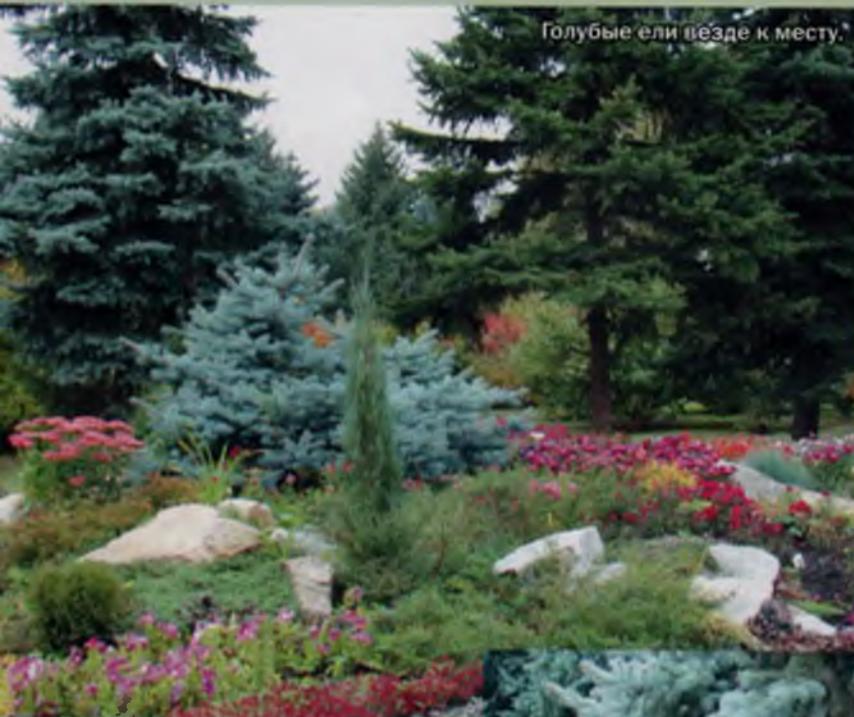
Удивительно, но самым тяжелым испытанием для тонкокожего с характером художника Гензе стала не высылка в Сибирь, а переход на пенсию. В 1964 году, когда Герберту исполнилось 60 лет, его отправили на заслуженный отдых. А человек словно в беду свалился. Он, мудрый от рождения, для себя жить не научился. Пошли тяжелейшие сердечные приступы – до потери сознания, до инфарктов. Директор совхоза «Декоративные культуры» взял его к себе на работу:

– Пусть старичок потопчется и успокоится, – объяснил директор свой руководящий жест подчиненным.

И Гензе потоптался! Он чуть ли не всех «перетоптал», в смысле пережил, с кем начинал работать.

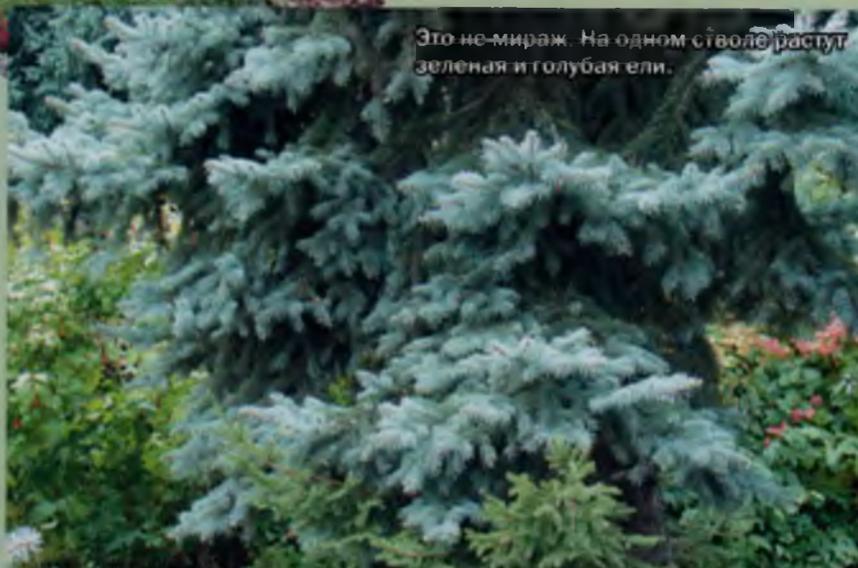
Герберта зачислили в штат «Декоративных культур» заведующим дендрологическим отделом – отделом, который отвечал за акклиматизацию и размножение новых для Сибири пород деревьев. Сейчас подведомственная отделу территория называется Омским дендрологическим парком и находится под управлением регионального Министерства промышленной политики, транспорта и связи. Расположен по Красному Пути, 86. Имеет статус особо охраняемой природной территории.

Нельзя сказать, что Гензе взяли только из жалости. Его знали как хорошего специалиста по деревьям. После окончания Великой Отечественной войны он сначала

Голубые ели везде к месту.

новича талантами под завязку. Он свободно владел немецким и французским языками, мог разговаривать на английском, до последних лет жизни прекрасно музицировал на скрипке и страстно любил фортепиано. Увидев инструмент, в гостях или присутственном месте, обязательно подходил к нему, поднимал крышку, пробовал клавиши пальцами. Затем, забывшись, начинал играть. Играл самозабвенно и долго, пока его не возвращал к действительности случайный громкий вздох кого-то из слушателей или восторженные аплодисменты. Потом долго извинялся

Это не мираж. На одном стволе растут зеленая и голубая ели.

трудился агрономом в подсобном хозяйстве областного Управления внутренних дел, затем перешел в Горзеленстрой.

Существует версия, что у Гензе после выхода на пенсию проблемы со здоровьем обострились не только от бесцельности существования, он лишился, как сейчас бы сказали, мотивации. Он потерял надежду осуществить детскую мечту – найти или вывести золотую ель. О его желании найти золотую елочку, об истоках далекой детской мечты знали все работники дендрария. Лет в семь, когда семья отмечала Рождество, Герберт увидел среди игрушек, украшавших домашнюю елку, фигурку золотистой ели, вырезанной из желтой фольги.

– Папа, почему ты купил зеленую елочку, а не золотую? Она же красивее, – спросил мальчик у отца.

– Золотых елочек не бывает, – объяснил Иван Гензе сыну. – А та, что ты видишь, – игрушка.

– Бывает, – упрямо заявил Герберт. – И я ее найду.

Он ее искал всю свою жизнь. Может быть, потому и работу поменял, подавшись из агрономов в озеленители города.

На новом месте, в дендрарии, он особой любовью проникся к хвойникам. Особенно много времени и внимания уделял акклиматизации голубой ели, на которую другие специалисты уже махнули рукой. Несколько десятков саженцев голубой ели в Омск завезли в первой половине пятидесятих прошлого столетия. В 1957 году случился

сильный мороз, ставший причиной гибели большинства новоселов. Гензе занялся спасением оставшихся экземпляров. Он прививал веточки голубой ели на нашу сибирскую зеленую. Дождался появления семян, отбирал их, сеял. Сортировал появившуюся молодь, искусственно ускорял созревание деревьев. Вновь сеял. Проводил гибридизацию – опылял цветники голубой ели пыльцой с других хвойников. Черенковал удачные

экземпляры, создавая целые морозоустойчивые рощицы. Он спешил завершить начатое дело. А как не спешить – возраст!

Позже саженцы с опытных делянок перекочевывали на улицы Омска и других советских городов. Озеленение Астаны, нынешней столицы Казахстана, процентов на семьдесят имеет омские корни. За акклиматизацию голубой ели Герберт получил «Гран-при» – высшую международную награду дендрологов.

По-немецки аккуратный и педантичный Гензе изменял своим врожденным привычкам, когда дело касалось рабочего стола. Он у Герберта всегда представлял из себя живописную картину в стиле крайнего

Аллея из пирамидальных тополей смотрится не хуже эвкалиптовой.

модерна. Чего на нем только ни лежало: пакетики с семенами, ветошки, книжки, слайды, листочки с записями. То, что для постороннего человека выглядело хаосом, для Гензе являлось сложно устроенной гармонией. Он из наваленной кучи безошибочно выдергивал понравившийся в данную минуту предмет.

У лаборантки Эрики, тоже немецких кровей, бывало, иссякало терпение, и она, не прося раз-

Зимой пирамидальные тополя так же красивы, как и летом.

решения, самовольно наводила порядок на гербертовском столе. Гензе чертыхался, не найдя на привычном месте понравившейся вещи, и укоризненно выговаривал:

– Эрика, вы своим порядком беспорядок у меня на столе устроили.

Летопись истории дендрария вел в виде серии слайдов, записи делал, но редко. На голову больше полагался. В нежелании фиксировать результаты на бумаге проявилось, пожалуй, все: и растущая с возрастом, как у всякого человека, недоверчивость, и тяжелый опыт внезапных ударов судьбы. Зато, невольно тренируя мозг, до последних

лет жизни сохранил на удивление ясную память.

Слайдов же изготавливал множество. Фотоаппарат все время висел на груди.

– Костя, а вы не скажете, кто любовница моего мужа? – потихонечку выпытывала у Константина Родионова, любимого ученика Гензе, 85-летняя Мина Федоровна.

– Не волнуйтесь, нет у него никакой любовницы, – утешал ее Константин.

– Почему же тогда зарплату домой не приносит, – недоумевала пожилая женщина.

Свой заработок Гензе оставлял в фотоотделах и книжных магазинах. Несколько шкафов книг, расставленных в комнатке рядом с приемной директора, работники «Декоративных культур» называли «Библиотекой Гензе».

Считается, что Герберт был настолько привязан к своему ден-

Агроном Омского дендропарка Светлана Тщенина. «Я никогда не видела человека более обаятельного, чем Герберт».

дарию, что буквально жил на его территории. На самом же деле, просто он с работы уходил очень поздно, а приходил рано. К восьми утра уже завершал первый обход и имел задания для подчиненных. Ходил много, по несколько раз за день прочесывал дендрарий. Летом пешком, зимой – на лыжах. В семьдесят он выглядел высоким крепким мужчиной. В восемьдесят, поддразнивая молодежь, переплывал Иртыш. К восьмидесяти пяти годы все же взяли свое: ссутулился, похудел. А задора не утратил.

Слыл любимцем у студентов. О деревьях мог рассказывать часами, сдабривая речь шутками и анекдотами. А открытым человеком не был. Если он за месяц два-три раза упоминал о своей семье, до-

машней жизни, то это было верхом откровенности. Душу ни перед кем не распахивал. Исключение составляла единственная тема, его путеводная звезда: воспоминание времен детства о золотой елочке и желание найти ее.

Золотоискательством заразились все, кто более или менее часто общался с Гербертом. Первым золотую елочку хотелось увидеть каждому из его знакомых. Таким образом, Герберт сам создал себе конкурентов. Но судьба оказалась к нему милостивой. Именно он первым обнаружил золотую ель среди саженцев дендрария. Собственно, говорить о целой золотой ели – сильно преувеличивать. Прекрасным весенним днем, совершая очередной обход своих владений, Герберт на одной из голубых елей заметил несколько веточек с желтыми концами. Сердце забилося: действительно давно ожидаемая мутация или болезнь?! Черенковал, холил и нежил саженцы. Вырастил и убедился: мутация. Сбылась мечта всей жизни – он нашел золотую елочку. Одна из золотых елей Герберта до сих пор растет в Омском дендропарке. Справедливости ради следует уточнить, что золотой она выглядит не круглый год, а только весной, когда начинается движение соков. Несколько дней дерево окружено желтым ореолом. Физиологию явления можно объяснить следующим образом. Окраску листьям и иголкам деревьев придают растительные пигменты. Среди них самый распространенный – хлорофилл. Весной, когда начинает свое движение живительная влага, то она у золотой ели в первую очередь, видимо, питает иголки, расположенные от основания до середины ветви, а кончики запаздывают с пробуждением. Здесь зерна хлорофилла, скорее всего, развиваются позднее.

Герберту понадобились десятки лет наблюдений, чтоб заметить несколько пожелтевших на концах веточек. Такое вот терпение было у него.

А здоровый авантюризм Гензе, о котором уже упоминалось, помог нашему городу получить пирамидальный тополь. Выведенный в Екатеринбурге, он трудно приживался на юге Западной Сибири. Мешал не только климат, но и стереотип человеческого мышления: зачем

нужны новые породы тополя, когда в городе существует множество рощиц и аллей из неприхотливых местных тополей. Многие годы потратил Герберт на акклиматизацию дерева и одновременно на переубеждение людей, что пирамидальный тополь Омску необходим: он украсит город, поможет в борьбе за чистоту воздуха. Действовал Герберт хитро, не прямолинейно. Одной организации, ничего не требуя взамен, предложит с полдесятика саженцев, другой. И вдруг появилась мода на дерево, посыпались заказы.

Всего же благодаря трудам Гензе и его настойчивости в Омске появилось около тридцати новых пород кустарников и деревьев.

В 1993 году, на самом склоне лет, он еще раз поменял свою малую родину – перебрался на родину историческую. В Германию. Уезжать не хотел. Одиночество вынудило. Умер сын, следом за сыном в мир иной ушла жена Гензе, а дочь давно прижилась в Германии.

На исторической родине Герберта встретили хорошо. Власти Ганновера, узнав, что среди жителей города появился обладатель «Гран-при» за успехи в дендрологии, предоставили место работы в городском ботаническом саду.

31 мая 1997 года Герберт Иванович в кругу семьи и новых единомышленников отметил свое 93-летие. Пошутил, что не прочь повернуть вверх ногами цифру «девятнадцать», чтоб снова ему исполнилось 63 года. Совсем юный возраст, когда жизнь только начинается.

А через четыре дня его не стало.

Виктор ГОНОШИЛОВ.

Автор очерка искренне благодарит всех, кто помогал ему в сборе материала: дендролога Константина Родионова, цветовода Наталью Шмакову, агронома Светлану Тщенину, Тамару Семенову – вдову омского журналиста Владимира Семенова, который был другом Герберта Гензе.

Здесь, на Красный Путь, 86 каждый день приходил на работу Герберт Иванович Гензе.

